

Только теперь, когда все ответственные лица, от начальников до рядовых медиков, перестали суесться и действовать хаотично, стало возможно собрать воедино связную картину событий.

Не отходя от малыша ни на шаг, Мо Цянь руководил местной полицией и службой безопасности космопорта, стремясь собрать максимум свидетельств и данных о причастных лицах. Однако, вернувшись на Богер, они привезли с собой лишь горстку крупниц информации и труп.

Ситуация на базе Богера тоже оставляла желать лучшего. Помимо тотальной ревизии, Ся Ци и остальные не прекращали копать под Бало. Члены его семьи оказались совершенно не в курсе дел, двое мелких взяточников из военного управления, через которых можно было оформить разрешение на посещение, ничего не знали. Того, кто связывал семью с этими взяточниками, удалось найти, но он оказался мертв, а переписка исчезла без следа. Один из знакомых этого человека припомнил, будто тот состоял в некой организации самопомощи Защитников и, услышав жалобы на обладателей способностей, предложил ему вступить в ряды группы, чтобы подосадовать последним. Этот знакомый видел, что человек не занимался ничем серьезным, но при этом жил на широкую ногу. Заподозрив неладное, он решил держаться подальше, и никакой другой информации у него не было.

На этом ниточка оборвалась. Существовала ли организация на самом деле, оставалось загадкой, как и личность тех, кто устранил Бало и его связных. Одно было ясно наверняка: противник действует слишком хитро, осторожно и безжалостно, чтобы всё это затевалось ради мелких пакостей обладателям способностей. Скорее всего, замыслы у них куда масштабнее, и это как-то связано с хаосом, раздирающим Федерацию из тени.

Впрочем, у Принцессы было иное мнение:

— Почему бы и нет? Вполне может быть, что нашелся какой-нибудь безумный, невероятно богатый Защитник, который из-за своих темных мыслей творит всякие пакости. Ну или это какой-нибудь психически больной фанат нашего босса, который тратит кучу денег на шпиона на Богере, чтобы собирать информацию о нем, а услышав, что босс души не чает в маленьком зверьке, пришел в ярость и велел убрать это животное. Иначе объясните мне, почему злоумышленники решили тронуть Гунгуня? Это вообще не укладывается в логику нормального человека.

Все призадумались: а ведь в этом что-то есть. Это был вопрос, на который они до сих пор не нашли ответа: каков был мотив похищения? Если всё сложилось именно так, как предположила Принцесса, то ситуация обретала хоть какой-то смысл. Обсуждение зашло в тупик, и все повернулись к Мо Цяню.

Оставив малыша, который большую часть времени проводил в полудреме, на попечении военного медика, Мо Цянь участвовал в этом совещании, но до сих пор хранил молчание. Услышав предположение, он поднялся и, направляясь к выходу, спросил:

— Общежитие Бало до сих пор не трогали?

— Да, — ответил Ся Ци.

Оставив Майера разбираться с военными делами, остальные поспешили следом за Мо Цянем, понимая, что он намерен искать зацепки в комнате Бало. Хотя они обыскивали её уже несколько раз, но ничего не нашли, возможно, их босс сумеет отыскать что-то новое.

В комнате Бало по-прежнему царили сумрак и беспорядок. Простояв пару секунд у входа и подавив личные эмоции, Мо Цянь попытался восстановить картину того дня, сохраняя холодный и объективный взгляд.

У входа валялись остатки мусора, вероятно, принесенные на подошвах из мусоровоза. Возле кровати одежда была разбросана как попало — человек определенно был в панике и спешке. Рядом, на полу, виднелась шерсть Гунгуня; малыш явно отчаянно сопротивлялся, часть шерсти отлетела в угол комнаты, сбившись в небольшой комок. Стоп! Мо Цянь снова посмотрел в угол — это была не та шерсть, которая могла выпасть при борьбе!

Он подошел к углу, присел на корточки и, протянув руку, подобрал комочек шерсти, чтобы изучить его поближе. Он не ошибся в своих догадках.

— В чем загвоздка с этой шерстью? — спросила Фиби.

— Взгляните внимательнее, она действительно отличается от той, что разбросана здесь, — проследив за взглядом Мо Цяня, Лань Е сравнил два образца и сделал вывод.

Сложив пальцы и слегка потирая шерстинки, ощущая их мягкость, Мо Цянь прояснил свои мысли:

— У меня в руках шерсть Гунгуня до линьки, а та, что на полу, — после.

— Значит, Гунгунь бывал здесь раньше? — подхватил Принцесса, но тут же сам себя опроверг. — Нет, не может быть. Если бы Гунгунь приходил раньше, ты бы точно знал. Получается, этот Бало сам подобрал шерсть? Зачем ему понадобилось собирать шерсть Гунгуня, какой извращенец, а?

Выйдя из темной комнаты на яркий дневной свет, Мо Цянь разжал ладонь:

— Здесь только белая шерсть.

Лань Е и остальные, взглянув на это и вспомнив, как выглядел Гунгунь до линьки, сразу всё поняли. Хотя на теле пухлого комочка белого цвета было больше всего, при линьке не выпадала только белая шерсть. Если шерсть вся была белой и свалялась в один комок, это могло быть результатом тщательного отбора. Но для чего человек отбирал серые шерстинки?

Пусть это казалось абсурдным, но истина могла скрываться именно в той отобранной серой шерсти.

Самым прямым способом проверить это было найти еще немного серой шерсти, но Гунгунь давно закончил линять, где же теперь искать выброшенную им шерсть? Когда Принцесса

упомянул об этом, Мо Цянь промолчал. Однако вскоре военный медик получил полную коробочку шерсти Гунгуня — и белой, и серой.

Под странными взглядами подчиненных Мо Цянь оставался бесстрастным и не проронил ни слова. Только Сюн Мао, придя в себя, узнал об этом случае и догадался о причинах. В свое время он пожалел выбросить свою маленькую лесенку и настоял на том, чтобы оставить ее на память, возможно, родитель решил, что он не хочет расставаться и со своей выпавшей шерстью.

Так или иначе, анализы удалось завершить, но, к сожалению, прорыва не произошло. Военный медик честно признался, что его возможности ограничены и он не может сразу найти решение, оставалось лишь использовать самый примитивный метод медленного сравнения.

В таких делах нельзя спешить, как и искать поддержки у специализированных исследовательских институтов — в сложившейся деликатной ситуации поиски правды пришлось замедлить. Однако после случившегося бдительность всех военных на Богере значительно возросла, они получили новое представление о себе и своих врагах, и новобранцы наконец начали превращаться в настоящих солдат.

На самом деле, сильный удар получили не только люди на базе.

В тот же вечер, когда они вернулись с Гунгунем на Богер, Мо Цянь получил видеовызов со Столичной звезды.

— Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что ты наделал? — мужчина на экране выглядел сурово и гневно.

— Заставил вас волноваться, отец.

— Вопрос не в волнении! Ты понимаешь, что может с тобой случиться, если тебя раскроют? — сквозь гнев мужчины прорывалась забота.

Этот человек, Мо Янь, был отцом Мо Цяня и генерал-майором Федерации. В отличие от сына, его звание было лишь номинальным. В молодости Мо Янь служил в армии, но теперь был похож на вышедшего на пенсию старика — из тех, у кого не осталось ни связей, ни протекции. Хотя девяносто шесть лет для обладателя способностей — это еще не старость. Сейчас многие молодые офицеры даже не подозревали, что в Федерации есть такой генерал-майор.

Мо Цянь знал: отец ведет себя так тихо только ради него.

Семья Мо поколениями служила в армии, почти в каждом поколении были жертвы на поле боя. Они обладали выдающимися боевыми навыками, но их род был немногочисленным, у них не было жажды власти — они были для правителей идеальным, острым мечом. Поэтому, даже не имея выдающихся достижений, уходя в отставку, Мо Янь получил звание генерал-майора. Это означало признание заслуг семьи, сигнал: Мы помним семью Мо, мы рассчитываем на потомков семьи Мо.

Все говорили, что Мо Янь одарен посредственно и при нем семья Мо пришла в упадок, однако только члены самой семьи знали, что Мо Янь действовал так преднамеренно.

— Ты забыл мои наставления? Если существовали другие способы решения, почему ты выбрал самый опасный? — вновь задал вопрос Мо Янь.

С самого детства Мо Цянь знал, что его отец — человек противоречивый. Он был военным, признавал важность самопожертвования ради блага народа и страны, но не хотел, чтобы его ребенок шел в армию. Когда маленький Мо Цянь выразил сильное желание стать военным, он не стал препятствовать, но непрерывно проводил для сына тренировки на сохранение спокойствия, требуя в любой ситуации оставаться хладнокровным, взвешенным и искать оптимальное решение. Мать Мо Цяня всегда считала, что таким холодным камнем сын стал из-за «забот» мужа, и это никак не связано с врожденным характером.

Независимо от того, был ли подход отца верным, Мо Цянь понимал: всё это проявление заботы. В душе отца жила неутрахающая тревога. Военная сущность не позволяла ему помешать сыну стать достойным солдатом, но чем сильнее становился сын, тем больше он боялся его потерять.

Мо Цянь уважал отца, но у него были свои принципы. Если близкие беспокоятся за него, то не потому, что он слишком силен, а потому, что недостаточно силен. Лучший способ защитить себя — это не отказ от таланта ради того, чтобы жить осторожно, а стремление обрести абсолютную силу, которую никто не сможет пошатнуть.

Впрочем, Мо Цянь придерживался данного отцу в детстве обещания и не раскрывал свои истинные способности никому. Но в сложившейся ситуации он почувствовал, что настало время поговорить с отцом о переменах.

— Прошу прощения, отец, угрозы разоблачения нет. О моем уходе с военного корабля знали только Майер и остальные.

— У них гораздо больше шансов догадаться о правде!

— Я не могу вечно сражаться в одиночку, они мои настоящие братья.

На другом конце экрана воцарилось молчание. Мо Цянь понял, что это молчаливое согласие.

\*\*\*

Голограмма связи погасла, дверь кабинета открылась, слышались легкие шаги.

Мо Янь обернулся и увидел вошедшую жену, в руках она держала теплый напиток.

— Что ты сказал сыну? Снова завел свою шарманку с нравоучениями? — жена говорила с укором, но на лице играла мягкая улыбка.

— Сын вырос, я больше не могу им управлять, — эти слова прозвучали с оттенком

разочарования, но госпожа дома Мо знала, что в них гораздо больше гордости. Улыбка на её губах переместилась к морщинкам в уголках глаз.

Взяв из рук жены напиток и поставив его на стол, Мо Янь потянул её за собой, чтобы она села рядом, и со вздохом произнес, ворчливо:

— Ты всё только смотришь, даже не поможешь приструнить.

В ответ — лишь безмолвная улыбка.

Жена утверждала, что характер того сорванца — результат его воспитания, но Мо Янь считал, что сын — копия матери. Женщина рядом с ним была самой обычной, из простой семьи, по паспорту моложе его, но на вид казалась старше, хотя всё ещё была статной и красивой, немногословной и спокойной. В то время как он сам постоянно о чем-то волновался.

Подняв руку и погладив слегка тронутые сединой волосы любимой жены, Мо Янь в тысячный раз поблагодарил судьбу за то, что остался жив.

Более восьмидесяти лет назад, когда рончи массово вторглись в их пространство, он был юнцом, пылающим отвагой. В последний год войны, наконец повзрослев, он нетерпеливо устремился на передовую вместе со старшим братом. Они двое были всем, что осталось от семьи Мо на тот момент.

Война была жестокой. Они ни о чем не думали, просто рвались вперед, сгорая от жажды битвы. В ключевом сражении брат развил небывалую скорость и решил пойти на таран вместе с врагом. Он же, отстав всего на шаг, чудом выжил, потеряв лишь одну ногу.

Когда боль от потери ноги вырвала его из оцепенения после увиденной смерти брата, чувства накрыли его с головой. И это была не просто печаль — это был пронизывающий до костей холод. Только тогда он понял, почему отец перед смертью говорил об осторожности в использовании способностей. Вероятно, отец уже тогда что-то чувствовал, но было слишком поздно.

Даже сами члены семьи Мо считали свои способности милостью небес — это была не только редкая способность к суперскорости, но и с каждым поколением она становилась сильнее, в отличие от детей из других семей, у которых способности передавались лишь условно стабильно. Благодаря этому дару семья Мо действительно совершила немало воинских подвигов. Но если взглянуть с другой стороны, то среди семьи Мо редко кто доживал до мирной старости: они либо гибли на полях сражений, либо бесследно исчезали в глубинах космоса.

Но были ли эти жертвы необходимы? Прожив тот последний момент и выжив, Мо Янь понял, что на самом деле это не так. Обладая скоростью, которую не могли развить ни линкоры, ни ракеты, члены семьи Мо всегда оказывались впереди всех на поле боя, выбирая самые экстремальные методы сражения. Но на самом деле армии не нужен был такой личный

героизм — коллективный бой всегда был лучшим выбором для победы.

Все говорили, что семья Мо всегда на передовой и не боится жертв, но на самом деле это была форма саморазрушения. Эта склонность была ценой за обладание способностью, побочный продукт, неразрывно связанный со скоростью: чем выше скорость, тем серьезнее последствия.

Вспоминая тот момент, когда он бросился следом за братом, не думая ни о чем, кроме уничтожения противника, Мо Янь чувствовал, как цепенеет его позвоночник. Более того, как член семьи Мо, он мог с уверенностью сказать: в тот самый миг их способности перешли на новый уровень. Нет, это нельзя назвать развитием, это была мутация.

В отличие от брата, у Мо Яня была возлюбленная, и его грызла вина за то, что он едва не погубил себя бессмысленной смертью. Выжив, он хотел лишь одного — вдвойне беречь тех, кто рядом. Время шло, возлюбленная стала женой, спустя годы родился ребенок, обладавший способностями, которых он опасался. Скрывая тайную тревогу, он постепенно исчез из поля зрения людей и пытался подавить в сыне унаследованную жажду саморазрушения.

Глядя на то, как стремительно его сын идет по этому пути, он испытывал одновременно гордость и тревогу. Если не случится чего-то непредвиденного, жена уйдет раньше него, и в это отведенное время он надеялся, что сможет вместе с сыном заботиться о ней.

Пар от чашки в руках постепенно рассеивался. Заметив, что муж по-прежнему хмурится, госпожа Мо ласково утешила его:

— А мне кажется, тебе незачем так волноваться. Поступок Сяо Цяня как раз доказывает, что у него появился новый объект заботы, тот, кого ему нужно защитить. Разве ты сам не научился оглядываться назад лишь после того, как встретил меня?

— Разве это одно и то же? Это ведь просто маленький зверек, как долго он сможет занимать его мысли? — Мо Янь постучал при этом правой ногой, по комнате раздался металлический звон. Чтобы не забывать о прошлом, он отказался от установки реалистичного протеза и много лет ходил с металлической ногой, к счастью, госпожа Мо не возражала.

Услышав это, госпожа Мо лишь улыбнулась. Когда в будущем зверек вырастет в большое животное и по-прежнему останется объектом нежной привязанности сына, Мо Янь поймет, что в некоторых вещах до проникательности жены ему очень далеко.

На Богере Сюн Мао, который всё еще оставался маленьким зверьком, проснулся с едва уловимым горьким привкусом во рту и, повернув голову, осознал, что всё еще находится у военного медика. Чтобы не тревожить раны, его уложили на спину животом вверх, все четыре лапы были в бинтах, под которыми ощущалась какая-то жидкость.

Тело не болело, но сил еще не было, и Сюн Мао не хотел шевелиться, поэтому просто лежал с открытыми глазами и размышлял. Он занимался самобичеванием. Даже не вникая в детали, Сюн Мао мог представить, сколько проблем доставил другим. То, что он не знал о готовящемся покушении, — еще можно понять, но медленная реакция на опасность и неспособность дать

отпор — это уже его собственная проблема.

Хотя гигантские панды на Земле кажутся неуклюжими и милыми, на самом деле они обладают невероятной силой. Особенно дикие панды: по сути, им мало кто может противостоять, разве что в младенчестве нужно беречься от хищных птиц. Когда-то ходило мнение: по силе укуса панды уступают только белым медведям, на равных с ними бурые; в горных условиях на высоте двух тысяч метров они разгоняются быстрее Лю Сяна; они умеют лазить по деревьям выше двадцати метров и могут легко придушить трех-четырех волков, используя их как подстилку, но при этом зарабатывают на жизнь, просто выглядя миленькими!

Сюн Мао чувствовал, что сейчас он просто позорит честь панд. Тем более, что у него есть такой выдающийся опекун-генерал-майор, он находится в военной части, и в такой атмосфере не иметь никакой боевой подготовки — это всё равно что быть никчемным отбросом.

Сюн Мао принимал решение, как вдруг тот, кто был для него примером, вошел в комнату.

Увидев лежащего на кровати и неподвижно смотрящего широко открытыми глазами Гунгуня, Мо Цянь решил, что тот еще не отошел от испуга, и его вина стала еще тяжелее. В то время Фиби предложила провести тотальную зачистку Богера, но он остановил её, и вот результат — скрытая угроза проявила себя, и сильнее всего пострадал тот, кто меньше всего должен был пострадать. Похоже, он был слишком самоуверен, нужно стать еще старательнее и осторожнее, чтобы защитить тех, кто рядом.

Один человек и один медведь предавались собственным размышлениям, пока живот Сюн Мао не заурчал, нарушив тяжелую атмосферу.

Желая отвлечь малыша и накормить его, Мо Цянь решил вынести его отсюда. Пришлось сменить позу, чтобы найти удобный вариант.

В итоге Сюн Мао, как младенец, оказался на руках у родителя, мягкий животик был открыт взгляду мужчины, лапы раскинуты, а круглый зад покоился в сильных объятиях. Человеческая душа внутри панды почувствовала непривычное смущение.

Вызвав четверку и Фиби на восточную площадку, Мо Цянь вошел в свою тренировочную комнату в зоне Е. Сюн Мао был здесь впервые, раньше он бывал только в нескольких зонах впереди и не задерживался, боясь помешать другим тренироваться, никогда не видел, как они тренируют способности в одиночку, поэтому сейчас всё казалось ему необычайно интересным. Увидев, как он вертит головой по сторонам, Мо Цянь немного успокоился.

Раз уж босс вызвал их, да еще и привел Гунгуня, Ся Ци и остальные решили, что речь пойдет о малыше. Однако генерал-майор просто велел всем встать поближе и положить руки ему на плечи.

— Что ты делаешь? Я всё еще приличный молодой человек! — опешив от действий босса, Принцесса первым делом закрылась руками.

— Ты приличная молодая девушка, что ли? — бесцеремонно отвесив Принцессе подзатыльник, Майер жестом указал на Фиби и Ся Ци, у которых от происходящего по спине пробежала дрожь.

Только Лань Е заметил серьезность Мо Цяня, помедлил и первым положил руку на плечо руководителя, остальные последовали его примеру.

Сюн Мао тоже был сбит с толку, но понимал, что сейчас не время для вопросов, поэтому сосредоточился на опекуне. Он увидел, что мужчина опустил голову, его взгляд словно зафиксировался на малыше, а затем начал бескрайне расширяться.

За 0,01 секунды Сюн Мао показалось, что время вдруг замедлилось. Вокруг воцарилась пустота, а затем из небытия родились звезды, распустились туманности, свет был таким слабым и одновременно таким ярким, казалось, они совсем близко и в то же время бесконечно далеко, словно стоило сделать один шаг, чтобы мгновенно оказаться в другом мире.

Сюн Мао и впрямь дернулся, его тело непроизвольно вздрогнуло, и тут он осознал, что видит туманности в глазах Мо Цяня. В тех глубоких озерах глаз чернота заполняла каждую грань, возникали и гасли бесчисленные звезды — словно микрокосм Вселенной. Мгновение, равное миллиардам лет.

В ушах раздался короткий вскрик, Сюн Мао пришел в себя. Глаза над ним приняли привычный вид: звездное небо исчезло, черные зрачки вернулись в центр белых озер, время снова потекло своим чередом.

Разница заключалась в том, что все они теперь находились в другой комнате. Помещение оставалось огромным, стены и пространство в центре были прочерчены странными линиями и фигурами, или, вернее сказать, здесь вообще не было стен.

— Это личная тренировочная комната Майера! — воскликнула Фиби.

<http://bllate.org/book/19102/1876163>